

Александр Гарцев

White Rabbit

Александр Гарцев

White Rabbit

<https://litres.ru/74632349>

SelfPub; 2026

Аннотация

В книге писателя Александра Гарцева "White Rabbit" всего восемь глав. Одна зима. Одна история. Которая начинается с двойки по английскому. А заканчивается — письмом без адреса. Которое всё равно дойдёт.

Внутри — снег. Капель. Луна. Пустырь. Ветер. Холодная квартира. Пустая кровать. Старая книга. Серебряный кролик.

Мальчик с вихрастым хохолком. Учительница с печальными глазами. Дед, который знает больше, чем говорит. И — надежда. Которая — живёт. Всегда. В ком-то. В чём-то.

О чём эта книга?

О мальчике, который не учил английские слова. Назло. Просто назло. Потому что учительница была печальная. А он не знал, что с этим делать. И злился.

Об учительнице, которая плакала по ночам. В холодной квартире. На улице Тихой. У пустой кровати. С пелёнками. С песней. С кроликом на груди. И никто не знал. Никто не видел. Никто не спрашивал.

Содержание

Эпиграф	4
А вот и герои нашей истории	5
Глава 1. ДВОЙКА	10
Глава 2. ДЕВОЧКА, КОТОРАЯ ЛЮБИЛА АЛИСУ	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Александр Гарцев

White Rabbit

Эпиграф

«— Скажите, пожалуйста, куда мне отсюда идти?
— А куда ты хочешь попасть? — ответил Кот.
— Мне всё равно... — сказала Алиса.
— Тогда всё равно, куда и идти, — заметил Кот».
Льюис Кэрролл, «Алиса в Стране чудес»

А вот и герои нашей истории

АННА ВАСИЛЬЕВНА СОКОЛОВА, 34 года

Учительница английского языка. «Печальная учительница».

Детство. Родилась в маленьком городке Заречье, в семье токаря Василия Ильича и швеи-надомницы Клавдии Фёдоровны. Жили бедно: одна комната в бараке, керосинка, зимой — иней на стенах. Но каждую пятницу, когда отца выдавали получку, он приносил домой не колбасу и не водку, а книгу. В тонкой обложке, с картинками. «Алиса в Стране чудес» Льюиса Кэрролла стала первой. Ане было шесть. Отец читал ей вслух, сидя на табурете у кровати, а она представляла: вот кроличья нора, вот безумное чаепитие, вот Чеширский кот — и всё это где-то далеко-далеко, в стране, где живут счастливые люди. В Англии.

Отец умер, когда Ане было четырнадцать. Инфаркт. На работе. Книга осталась — как завешание, как дверь, которую нельзя закрыть. С тех пор Аня твёрдо знала: она уедет в Англию. Не потому что не любила Россию, а потому что Англия стала синонимом того счастья, которое отец дарил ей по пятницам.

Юность. Закончила педагогический институт по специальности «английский язык». Красавицей не была — тонкая, бледная, с большими глазами и копной тёмных волос, но в

ней было что-то, что заставляло оборачиваться: тихая глубина. На четвёртом курсе встретила его — Майкла, англичанина, приехавшего по обмену. Статный, светловолосый, с обаятельной улыбкой. Он говорил: «You're like a character from a fairy tale». Она поверила. Через три месяца — свадьба. Через четыре — переезд в Англию. Мечта сбылась.

Англия. Майкл оказался не принцем, а дельцом средней руки. Жили в пригороде Манчестера, в доме его матери — старой миссис Хартли, сухой, жёлчной женщины с ледяными глазами. Анну она невзлюбила сразу: «русская», «охотница за деньгами», «иностранка». Заставляла работать на семейной подпольной фабрике — шить «русские курточки» на продажу. День и ночь. Без выходных. Анна шила и пела про себя английские песни — те, что учила с отцом. Это было её спасение.

Побег. Через полтора года она не выдержала. Ночью, с одним чемоданом, добралась до порта, села на паром до Франции, потом — поездом через Германию, Польшу, Белоруссию. Домой. В Россию. Полуживая, худая, с потухшими глазами.

Возвращение. Устроилась учительницей в школу №7 города Заречье. Дети её полюбили — она умела рассказывать, петь, играть. А через семь месяцев после возвращения родила дочку — Верочку. От Майкла. Он приехал через год, тайком, подкараулил на прогулке — и забрал. Увёз в Англию. Суд не помог. Анна осталась одна.

Сейчас. Живёт в маленькой холодной квартире на улице Тихой. По ночам плачет. Днём — улыбается ученикам. Любит свой четвёртый класс — они её отдушина. Но когда кто-то не учит слова... ей кажется, что весь мир её не любит. Как Майкл. Как свекровь. Как судьба.

Портрет. Тонкая, чуть сутулая, с бледным лицом и огромными серыми глазами, в которых застыла печаль. Носит строгие юбки и блузки, но всегда — маленькая брошка в виде кролика (подарок отца). Волосы собраны в пучок, но иногда выбивается прядь — и она машинально её поправляет. Голос тихий, с лёгкой хрипотцой. Улыбается редко, но если улыбнётся — светлеет всё вокруг.

Особенности речи. Говорит мягко, с паузами. Часто вставляет английские словечки: «Good morning, children», «Well done, Andrew». Когда волнуется — переходит на шёпот. Никогда не кричит. Если ученик не выучил — просто смотрит долго, а потом отворачивается. И в этом взгляде — вся её боль.

АНДРЕЙ СЕРГЕЕВИЧ КРЫЛОВ, 9 лет (Андрюша)

Ученик 4«Б» класса. Упрямец с добрым сердцем.

Портрет. Худенький, вихрастый, с вечно развязанным шнурком и ссадиной на коленке. Глаза — серые, как у деда, с хитринкой. Носит синий рюкзак с динозавром. Любит футбол и мультики, не любит — «эту скучную английскую грамматику».

Характер. Упрямый до невозможности. Если решил, что

учительница «несправедливая» — будет стоять на своём. Но не злой. Просто ещё не умеет заглядывать за внешнее. Маме с папой говорит: «Она ко мне придирается!» А сам не может объяснить, почему не учит слова. Назло. Потому что где-то в глубине души чувствует: она несчастна, а он не знает, как это исправить. И злится.

Особенности речи. Быстрый, сбивчивый. «Ну, мам, я не понимаю!», «Это нечестно!», «А дед сказал...». Когда слушает деда — затихает, широко раскрывает глаза. В финале — впервые в жизни говорит тихо и серьёзно: «Анна Васильевна... я выучил. Все слова. Правда».

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ КРЫЛОВ, 68 лет

Дед Андрюши. Бывший учитель. Хранитель истории.

Портрет. Высокий, чуть сутулый, с седой бородкой и в старом твидовом пиджаке. Очки на цепочке. Пахнет книгами и крепким чаем. Глаза — внимательные, всё понимающие.

Биография. Тридцать пять лет преподавал русский и литературу в школе №7. Знал Анну Васильевну — она пришла туда, когда он ещё работал. Видел её слёзы в учительской. Однажды хотел подойти, но не решился. Это его вина. Теперь он рассказывает историю внуку — чтобы тот сделал то, на что у деда не хватило духу.

Особенности речи. Негромко, размеренно, с паузами. «А вот послушай...», «Ты только представь...», «И что бы ты сделал на его месте?». Никогда не повышает голос.

ВАСИЛИЙ ИЛЬИЧ СОКОЛОВ (отец Анны) — умер

Портрет. Простой рабочий с большими натруженными руками и добрыми глазами. Читал дочери книги. Верил, что сказка — это не побег, а компас. Его фраза, которую Анна помнит всю жизнь: «Алиса не просто так попала в Страну чудес, дочка. Она туда шла. Ты тоже иди. Только не забудь вернуться».

Глава 1. ДВОЙКА

Морозное утро выдалось на удивление ясным.

Андрюша проснулся от того, что за окном грохотал мусоровоз. Он лежал, уткнувшись носом в подушку, и слушал, как во дворе перекликаются баки, как урчит мотор, как дворник тётя Зина что-то кричит водителю. Обычные звуки. Обычное утро. Обычный четвёртый класс. Обычная среда.

Только вот английский.

Андрюша перевернулся на спину и уставился в потолок. Там, на потолке, была трещина — длинная, извилистая, похожая на реку. Он знал эту трещину наизусть. Она тянулась от угла до люстры и там разветвлялась. Как дельта. Как река в Англии. Темза. Так, кажется, она называется. Анна Васильевна говорила.

Он накрылся одеялом с головой.

«Не пойду», — подумал он. Просто. Ясно. Как отрезал.

Но идти надо было. Потому что мама уже гремела на кухне, а папа шуршал газетой, а из-за стены доносился голос соседа дяди Коли, который всегда включал радио на полную громкость. И вообще — если не пойти в школу, будет ещё хуже. Мама будет ругаться. Папа будет вздыхать. А Анна Васильевна... она посмотрит. Просто посмотрит. И от этого взгляда станет тошно.

Андрюша встал.

За завтраком мама — Ольга Сергеевна Крылова, худощавая женщина с вечно поджатыми губами и усталыми глазами, — разливала чай. Она работала медсестрой в поликлинике, вставала в шесть, возвращалась в семь, и к среде обычно была как выжатый лимон. Но на Андрюшу у неё всё равно хватало сил.

— Ты дневник взял? — спросила она, не оборачиваясь.

— Взял.

— А домашку по английскому сделал?

Андрюша молчал. Он смотрел в чашку. Там плавала чайинка. Одна. Круглая. Как маленькая лодка.

— Андрей, — мама повернулась. — Я спрашиваю.

— Сделал, — сказал он тихо. И это была почти правда. Он открыл учебник. Посмотрел на слова. Закрыл учебник. Он даже взял ручку. Подержал. Положил. Он собирался сделать. Честно. Просто... не сделал.

— Покажи дневник.

Андрюша достал из рюкзака дневник. Синий, с динозавром на обложке. Динозавр улыбался. Андрюша не улыбался. Он протянул дневник маме.

Ольга Сергеевна открыла его. Пролистала. Нашла вчерашнюю запись. Прочитала. Её губы сжались ещё плотнее — в тонкую линию. Она подняла глаза.

— Опять?

— Мам...

— «Опять», Андрей. Второй раз за неделю. Два. По ан-

глийскому. Два!

Папа — Дмитрий Сергеевич Крылов, крупный мужчина с мягким лицом и добрыми глазами, — оторвался от газеты. Он посмотрел на жену. На сына. Потом опять на жену. Он всегда так делал. Как будто ждал, что кто-то другой скажет правильные слова. Но правильные слова никто не говорил.

— Ну, Оль, — сказал он. — Может, он не понимает просто...

— Он понимает! — отрезала мама. — Он всё понимает. Он назло не учит. Назло, Андрей?

Андрюша молчал. В нём поднималось что-то горячее, колющее. Оно поднималось откуда-то из живота, от самого низа, и подступало к горлу. Это было упрямство. Он знал это чувство. Оно было как маленький злой зверёк. Который сидел внутри и говорил: «Не буду. Не буду. Не буду».

— Почему ты молчишь? — мама положила дневник на стол. — Скажи что-нибудь. Почему ты не учишь?

— Потому что она придирается, — сказал Андрюша. И сам удивился, как громко это прозвучало.

Тишина.

Папа отложил газету. Мама смотрела на него. Долго. Потом вздохнула.

— Придирается, — повторила она. — Учительница к тебе придирается. Два ставит — придирается. Слова спрашивает — придирается. Что она ещё делает? Что она тебе такого сделала?

Андрюша не знал. Он не мог объяснить. Просто... когда он смотрел на Анну Васильевну, что-то внутри него сжималось. Как кулак. И он не мог учить. Не мог. Как будто слова застревали где-то в горле и не хотели выходить. Как будто она смотрела на него своими серыми глазами — и он не мог. Не мог. Назло.

— Она... — начал он. И замолчал.

— Что «она»?

— Она печальная, — сказал Андрюша. И сам не понял, почему это сказал.

Мама уставилась на него. Папа — тоже. В комнате стало очень тихо. Даже радио дяди Коли за стеной как будто затихло.

— Печальная, — медленно повторила мама. — Учительница — печальная. И поэтому ты не учишь слова. Логично.

Она встала. Взяла свою чашку. Пошла к раковине. Её спина была прямой и напряжённой.

— Я не знаю, что с тобой делать, Андрей, — сказала она, не оборачиваясь. — Правда не знаю. Расти, как хочешь. Но имей в виду: в школе у тебя будут проблемы. А я... я не буду бегать за тобой и уговаривать. Понял?

Андрюша смотрел в чашку. Чаинка утонула.

— Понял, — сказал он.

Он не понял.

В школу он шёл один. Рюкзак с динозавром бил по спине. Было холодно. Дыхание вырывалось белым паром и таяло в

воздухе. Под ногами хлюпала грязь — снег ещё не лёг, но земля уже замёрзла и ждала. Как будто ждала, что её укроют.

Андрюша думал об Анне Васильевне.

Он вспоминал её лицо. Тонкое. Бледное. Глаза — серые, как небо в ноябре. Она никогда не кричала. Никогда не стучала указкой по столу, как математичка Нина Петровна. Она просто... смотрела. Долго. И молчала. И от этого молчания хотелось провалиться сквозь землю.

На груди у неё всегда была брошка. Маленькая. С кроликом. Серебряным кроликом с длинными ушами. Андрюша замечал её каждый раз. И каждый раз думал: почему кролик? Почему не цветок? Не бабочка? Почему — кролик?

Он не знал. Но что-то в этом кролике было. Что-то, от чего становилось не по себе. Как будто кролик знал что-то. Как будто кролик видел больше, чем все.

Андрюша подошёл к школе. Большое трёхэтажное здание с облупленным фасадом. Штукатурка сыпалась, как снег. На крыльце курили старшеклассники. Андрюша прошёл мимо. Толкнул тяжёлую дверь. В нос ударило — тёплым, пыльным, знакомым. Школа пахла мелом и котлетами.

Он поднялся на второй этаж. Кабинет английского — в конце коридора. Он замедлил шаг.

Дверь была открыта. За ней — Анна Васильевна. Она стояла у окна. Смотрела на двор. В руке — чашка. В ней — чай. Он уже остыл, наверное. Она держала её просто так. Как будто забыла, что чай можно пить.

Андрюша остановился. Он смотрел на неё. На её спину. На тонкую прядь, выбившуюся из пучка. На кролика. Кролик смотрел на него. Серебряный. Маленький. Он как будто говорил: «Знаешь? Ты знаешь, что случилось с ней?»

Андрюша не знал.

Но что-то внутри него ёкнуло. Тихо. Как звонок. Как будто кто-то — далёкий, невидимый — задал вопрос. И ответа не было.

Он вошёл в класс.

Урок начался как всегда. Анна Васильевна раздала тетради. Проверила домашнее задание. Когда дошла до Андрюши, она остановилась. Он сидел за третьей партой, у окна. Он смотрел в окно. На пустырь. Там ветер гонял сухие листья.

— Андрей, — сказала она тихо. — Где твоя тетрадь?

Он не ответил. Он смотрел на листья. Они кружились. Как будто танцевали. Безумное чаепитие. Как в книге. Как у Кэрролла.

— Андрей.

Он поднял глаза. Она смотрела на него. Не зло. Не укоризненно. Просто смотрела. И в её глазах было что-то такое... такое, от чего у Андрюши засосало под ложечкой.

— Я не сделал, — сказал он. Громко. Чтобы все слышали. Чтобы она слышала. — Не сделал. И не буду.

Класс затих. Кто-то хихикнул. Кто-то ахнул. Анна Васильевна побледнела. Ещё сильнее, чем обычно. Она опустила глаза. Потом подняла. В них стояла печаль. Такая глубокая,

такая бездонная, что Андрюша на секунду испугался. Как будто он толкнул что-то большое и хрупкое. И оно зашата-лось.

— Хорошо, — сказала она. — Садись.

Она отвернулась. Пошла к доске. Взяла мел. И написала новое слово. Мел скрипел. Андрюша смотрел на её спину. На кролика. Кролик смотрел на него.

«Что ты наделал?» — спросил кролик.

Андрюша не знал.

Домой он вернулся в сумерках. Мама ещё не пришла. Папа сидел на кухне, пил чай и смотрел в телефон. Он поднял глаза, когда Андрюша вошёл.

— Ну что? — спросил он.

— Два, — сказал Андрюша.

Папа вздохнул. Долго. Как будто выпустил из себя весь воздух.

— Андрюш, — сказал он. — Ну что ты делаешь? А?

Андрюша молчал. Он стоял в дверях кухни. Рюкзак с динозавром свисал с плеча. Динозавр улыбался. Андрюша не улыбался.

— Она тебя обидела? — спросил папа. — Что она тебе сделала?

Андрюша пожал плечами. Он не мог объяснить. Он сам не понимал. Просто... просто что-то было не так. Что-то в ней. Что-то в нём. Что-то между ними. Как будто стена. Как будто стекло. Как будто он смотрел на неё сквозь мутное стекло и

не мог дотянуться.

— Пап, — сказал он тихо. — А дед когда приедет?

Папа удивился.

— Дед? В субботу, наверное. А что?

Андрюша не ответил. Он пошёл в свою комнату. Закрыл дверь. Сел на кровать. Достал из рюкзака учебник английского. Открыл. Посмотрел на слова. Они смотрели на него. Чужие. Далёкие. Как Англия.

Он закрыл учебник.

За стеной дядя Коля включил радио. Что-то про погоду. Про снег. Про то, что ночью будет минус. Андрюша лёг. Уставился в потолок. На трещину. На Темзу. На реку, которая никуда не ведёт.

Он думал об Анне Васильевне. О кролике. О том, что она плачет по ночам. Он не знал, что она плачет. Но почему-то думал именно об этом. Как будто кто-то сказал ему. Как будто кролик сказал.

Он закрыл глаза. И не заметил, как уснул.

Позвонил он деду сам.

Утром. В четверг. Он встал раньше будильника, взял телефон — старый, кнопочный, который мама дала «на всякий случай» — и набрал номер. Дед ответил после третьего гудка. Голос у него был сонный, но тёплый.

— Алло?

— Дед, это я.

— Андрюша? Ты чего так рано? Что-то случилось?

Андрюша молчал. Он смотрел в окно. Там светало. Медленно. Серо. Как будто нехотя.

— Дед, — сказал он наконец. — Приезжай.

— Приехать? — дед помолчал. — Что-то случилось? Мама? Папа?

— Нет. Просто... — Андрюша сглотнул. — Есть разговор.

Тишина. Долгая. Андрюша слышал, как дед дышит. Как скрипит его кресло. Как где-то далеко, в его квартире, тикают часы.

— Хорошо, — сказал дед. — Сегодня приеду. После обеда. Жди.

— Жду, — сказал Андрюша.

Он положил трубку. И почувствовал, как что-то внутри него отпустило. Как будто он долго держал в руках что-то тяжёлое. И наконец — поставил на землю.

За окном шёл снег. Первый. Медленный. Белый. Как будто кто-то там, наверху, решил укрыть землю. Укутать. Согреть.

Андрюша смотрел на снег. И думал: «Что же ты расскажешь мне, дед? Что же ты знаешь?»

Он не знал.

Но кролик — где-то там, в далёкой квартире на улице Тихой, — как будто повернул уши. И приготовился слушать.

Глава 2. ДЕВОЧКА, КОТОРАЯ ЛЮБИЛА АЛИСУ

Снег шёл весь день, но к вечеру так и не лёг. Он таял на лету, не долетая до земли, и воздух был сырым, тяжёлым, как мокрая вата. Небо набухло серым и низко висело над городом, задевая крыши пятиэтажек. Ноябрь — месяц, который не знает, чего хочет: то ли осень, то ли зима, то ли просто тьма. Фонари зажглись рано, в четыре часа, и их жёлтый свет расплывался в тумане, как акварель по мокрой бумаге. В такие вечера особенно хочется тепла. И особенно остро чувствуешь, когда его нет.

Дед приехал в половине пятого.

Андрюша услышал звонок в дверь и побежал открывать. Он ждал с самого утра, не находил себе места, даже уроки — впервые за долгое время — сделал почти все. Кроме английского. Английский он отложил. Как будто знал: сегодня не до слов. Сегодня — история.

На пороге стоял Сергей Петрович Крылов. Высокий, чуть сутулый, в старом твидовом пиджаке поверх свитера. Седые волосы, седая борода, очки на цепочке. В руке — потёртый портфель, из которого торчал уголок книги. Пахло от него чем-то тёплым и знакомым: крепким чаем, старыми страницами, немного — табаком, хотя он бросил курить много лет

назад.

— Здравствуй, Андрюша, — сказал дед. Голос у него был негромкий, с хрипотцой. Он никогда не повышал голос. Ему и не нужно было.

— Здравствуй, дед.

Они обнялись. Коротко, неловко — как обнимаются мужчины, которые любят друг друга, но не умеют это показывать. Дед снял пальто, повесил на крючок, прошёл на кухню. Поставил портфель на стол. Сел. Посмотрел на Андрюшу.

— Ну, — сказал он. — Рассказывай.

Андрюша сел напротив. Он не знал, с чего начать. Внутри было много слов, но все они были какие-то неправильные, колючие, как репейник. Он смотрел на деда. Дед ждал. Он умел ждать. Тридцать пять лет у доски научили его этому.

— Дед, — сказал Андрюша наконец. — Я не могу учить английский.

— Почему?

— Потому что... — Андрюша сжал кулаки под столом. — Потому что она... она...

— Она?

— Она печальная.

Дед не удивился. Он не переспросил. Он не сказал «что за глупости». Он просто смотрел на внука. Долго. Внимательно. Как будто видел его насквозь — все мысли, все чувства, всё то, что Андрюша сам не мог разобрать.

— Печальная, — повторил дед. — Это ты верно заметил.

Андрюша поднял глаза.

— Ты её знаешь?

Дед молчал. Он снял очки, протёр их платком, висевшим на цепочке. Потом надел обратно. Потом откинулся в кресле. И заговорил. Тихо. Медленно. Как будто доставал что-то из глубины — тяжёлое, бережно хранимое.

— Я работал с ней, Андрюша. В одной школе. Тридцать пять лет я учил детей русскому и литературе. А она пришла... — он замолчал, считая. — Она пришла, когда я уже двадцать лет отработал. Молодая. Тонкая. С кроликом на груди. Я тогда не знал, что она носит этого кролика не просто так. Я вообще мало что знал. Учителя — они как солдаты на передовой: каждый в своём окопе. Свой класс, свои тетради, свои проблемы. Но её... её я замечал. Все замечали. Она была как будто... не отсюда. Как будто из другой страны. Не Англии даже. Из какой-то другой жизни. Где всё по-другому.

Он замолчал. Посмотрел в окно. Там таял снег. Капли стекали по стеклу. Как слёзы. Медленные. Прозрачные.

— Ты хочешь знать, почему она печальная? — спросил дед.

Андрюша кивнул.

— Тогда слушай, — сказал дед. — И не перебивай. Это долгая история.

— Давно это было, Андрюша. Очень давно. В городе, который называется Заречье. Ты его не знаешь. Он далеко отсюда. Маленький, серый, с бараками и заводами. Там жила

девочка. Звали её Аня. Аня Соколова.

Она была не красивая. То есть не такая, как показывают в кино. Тонкая, бледная, с большими глазами и тёмными волосами, которые вечно лезли в лицо. Она стеснялась. Она всегда пряталась за маму на утренниках, всегда садилась на последнюю парту, всегда молчала, когда её спрашивали. Но у неё были глаза. Серые, глубокие. Как у тебя, кстати.

Дед посмотрел на Андрюшу. Андрюша смотрел на него. Он не шевелился. Он даже дышать стал тише.

— Жила она бедно, — продолжил дед. — Очень бедно. Отец — Василий Ильич — работал на заводе. Токарь. Руки у него были большие, в мозолях, всегда в машинном масле. Он приходил домой усталый, садился на табурет и долго молчал. Мать — Клавдия Фёдоровна — шила на дому. Куртки, платья, штаны. За копейки. Комната у них была одна. Восемь метров. Керосинка, кровать, стол, сундук. И иней на стенах зимой. Ты знаешь, что такое иней на стенах?

Андрюша покачал головой.

— Это когда в комнате так холодно, что влага на стенах замерзает. Белые иголки. Как будто кто-то нарисовал на стене лес. Замысловато. Красиво. И страшно. Потому что если в доме иней — значит, в доме беда.

Но была у них одна странность. Каждую пятницу, когда отцу выдавали получку, он шёл не в магазин. Не за водкой, не за колбасой. Он шёл в книжный. И приносил домой книгу. Одну. Толстую или тонкую. В переплёте или без. Но кни-

гу. Каждую пятницу. Мать ругалась сначала. Говорила: «Вася, у нас хлеба нет, а ты книги покупаешь». А он отвечал: «Хлеб — это тело. А книга — это душа. Нельзя только тело кормить».

Дед замолчал. Взял со стола чашку. Отпил. Чай уже остыл, но он не заметил.

— Ане было шесть лет, когда отец принёс «Алису в Стране чудес». Льюис Кэрролл. Ты знаешь эту книгу?

Андрюша снова покачал головой. Он не знал. Он слышал про Алису, конечно. Что-то. Краем уха. Но не читал.

— Это книга про девочку, которая упала в кроличью нору, — сказал дед. — И оказалась в стране, где всё наоборот. Где безумное чаепитие, где говорящие коты, где карты играют в королеву. Это книга про то, что мир — не такой, каким кажется. И что за скучной, серой, обычной жизнью — есть другая. Где всё возможно. Где чудеса.

Он принёс эту книгу в пятницу. Ане было шесть. Он сел на табурет у её кровати — кровать была старая, скрипучая, с пружиной, которая впивалась в бок, — и открыл первую страницу. И начал читать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.